

зволлил нам научно обоснованно разработать модель построения идеографического словаря английских безэквивалентных словосочетаний.

Библиографический список:

1. *Влавацкая, М.В.* «User's needs» как требования к составлению англо-русского учебного комбинаторного словаря [Текст] / М.В. Влавацкая // Вопросы лексикографии. – Томск: ТГУ, 2013. – №2 (4). – С. 36.
2. *Карпова, О.М.* Новые тенденции в современной лексикографии [Текст] / О.М. Карпова // Лексика и лексикография. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – Вып. 11. – С. 63-72.
3. *Мельничук, А.С.* О природе лингвистического знака [Текст] / А.С. Мельничук // Теоретические проблемы современного языкознания. – М.: Изд-во АН СССР, 1964. – С. 44-51.

УДК 811.161.1'38
ББК 81.00

Р.А. Говорухо ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В РУССКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ТЕКСТАХ

В статье на материале корпуса параллельных текстов на двух языках рассматриваются условия употребления дейктических личных местоимений в позиции подлежащего и дополнения. Употребление местоимений регулируется семантическими, синтаксическими и прагматическими факторами. В итальянском тексте частотным является отсутствие личного местоимения в субъектной позиции, в русском местоимение чаще употребляется. В третьем лице указательному дейктическому местоимению в русском тексте часто соответствует личное местоимение в итальянском.

Ключевые слова: дейксис; анафора; личные местоимения; позиция подлежащего; указательные детерминативы; связность текста

R.A. Govorukho DEICTIC PRONOUNS IN RUSSIAN AND ITALIAN TEXTS

The article deals with the use of deictic pronouns as subjects and direct objects as exemplified in a Russian/Italian parallel text corpus. The use of this kind of pronouns is subject to various semantic, syntactic and pragmatic factors. In a sentence the Italian verb typically combines with null pronoun subjects, whereas in the Russian sentence subject pronouns are in most cases overtly expressed. 3 person demonstratives in Russian often correspond to personal pronouns in Italian.

Key words: deixis; anaphore; personal pronouns; subject position; demonstratives; text cohesion/coherence

Анализ построения текста традиционно включает описание анафорических связей, поскольку именно они являются важнейшими элементами когезии текста [Fox, 1987; Andorno, 2003, p. 45-57]. Особенности употребления анафорических местоимений в русском и итальянском языках, их роль в создании связного текста, были проанализированы нами в работах [Говорухо, 2005; Govorukho, 2003], поэтому ниже рассматрива-

4. *Морковкин, В.В.* Идеографические словари [Текст] / В.В. Морковкин. – М.: МГУ, 1970. – С. 21-30.
5. *Морковкин, В.В.* Основы теории учебной лексикографии [Текст] / В.В. Морковкин. – М.: Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 1990. – С. 18-37.
6. *Петросян, И.В.* Отражение сочетаемости в учебных словарях современного английского языка различных типов [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И.В. Петросян. – Иваново, 2003. – 211 с.
7. *Шведова, Н.Ю.* К определению концепта как предмета языкознания. Языковая личность: Текст – Словарь – Образ мира [Текст]: сб. в честь 70-летия члена-корреспондента РАН Ю.Н. Караулова. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – С. 506-510. *British*
8. National Corpus [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 07.05.2013).

ются в основном дейктические употребления, характерные, прежде всего, для местоимений первого и второго лица, называющих участников речевого акта – локуторов, а также в некоторых случаях для местоимений третьего лица.

Общей типологической особенностью русского и итальянского языков является отсутствие облигаторного замещения местоимением позиции подлежащего. Этим русский и

итальянский отличаются от языков, где субъектные безударные местоимения в процессе эволюции глагола грамматикализовались и превратились в аффиксы-пометы лица (как, например, в английском и во французском). В итальянском языке окончание глагола несет все необходимые сведения о подлежащем во всех временах, а в русском – в настоящем и в будущем времени. Тем самым, местоимение освобождается от функции указателя лица. В прошедшем времени русские глагольные флексии указывают на число и род, следовательно, на лицо референта указывает лишь местоимение. В рамках генеративной грамматики указанные особенности позволяют относить русский и итальянский к одному синтаксическому типу. Говоря о понятии контролера глагольного согласования «*small pro*», Я.Г. Тестелец пишет: «... В английском, немецком и французском языках *pro* отсутствует, а в испанском, итальянском и русском его можно выделять» [Тестелец, 2001, с. 309]. Подобное отнесение итальянского и русского языков к одной группе можно принять лишь со значительными уточнениями, поскольку, как справедливо отмечает В.А. Плунгян, «в большинстве случаев употребление личного местоимения при той или иной глагольной форме оказывается связано с целым рядом тонких семантико-прагматических факторов, выходящих далеко за рамки чисто синтаксических явлений» [Плунгян, 2011, с. 319-320]. Остановимся на некоторых подобных факторах, уделяя особое внимание тем контекстам, где возможны альтернативные решения. Материалом для исследования послужили около 200 примеров, собранных в ходе анализа более восьмидесяти оригинальных текстов и их переводов. Мы будем учитывать лишь две основные позиции именной группы в предложении: субъектную и объектную, но предварительно кратко остановимся на основных различиях в системе личных местоимений двух языков.

Важнейшим структурным различием русского и итальянского языков является наличие в последнем двух серий личных местоимений: автономных (ударных) и неавтономных (безударных) форм. Правила употребления автономных/неавтономных форм в итальянском тексте регулируются прагматическими факторами. В самом общем виде можно ска-

зать, что неавтономные формы служат для введения ожидаемых с точки зрения слушающего, уже упоминавшихся или легко восстанавливаемых из ситуации референтов, тогда как автономные местоимения употребляются для обозначения неожиданных в коммуникативном отношении, новых элементов текста [Calabrese, 1980; Salvi, 2004, p. 188-190]. В системе итальянского языка две серии местоимений несовместимы в синтагматическом плане. В парадигматическом отношении они взаимозаменяемы, но при использовании автономных местоимений семантическая интерпретация высказывания должна быть иной, чем при использовании неавтономных форм [Grande Grammatica, vol. I, 1988, p. 591]. Русский язык располагает всего одной серией личных субъектных и объектных местоимений. Коммуникативная выделенность / невыделенность местоимения отмечается в русском тексте исключительно порядком слов и интонацией. Очевидно, что с прагматической точки зрения при употреблении дейктических местоимений 1-го и 2-го лица речь может идти лишь об ожидаемых референтах. Соответственно, такие употребления не являются коммуникативно выделенными и можно предположить замену местоимения на местоименно-референтный ноль как в итальянском, так и в русском текстах. Ср.: *Ø Non ho fatto colazione stamattina – Я сегодня утром не завтракал.*

В то же время А.М. Пешковский говорил о преимущественном употреблении в русском языке местоимения в первых двух лицах, несмотря на то, что необходимости в его присутствии нет [Пешковский, 1956, с. 186-187]. С.И. Карцевский отмечал «экспрессивный» характер контекстов с невыраженным местоимением первого и второго лица, признавая, таким образом, в русском тексте нейтральными именно те случаи, когда местоимение присутствует [Karcevski, 1927, p. 132-133]. Б. Нильссон, проводя сравнение с польским материалом, считает, что в русском языке, в отличие от польского, дейктические местоимения присутствуют как в стилистически маркированных, так и в нейтральных контекстах [Nilsson, 1982, p. 165-182]. Б.М. Гаспаров рассматривает употребление/неупотребление местоимения первого лица в позиции субъекта высказывания с предикатом в настоящем/

будущем времени как пример «стилевого шифтера»: «... неупотребление местоимения способно вызвать особый стилизованный эффект. Однако какой именно эффект будет вызван данным приемом, зависит от ряда факторов, и в первую очередь от стилизованный, жанровый, тематического характера сообщения в целом – иначе говоря, от того коммуникативного пространства, в котором это сообщение помещается в представлении говорящего» [Гаспаров, 1996, с. 301-302]. Сложную систему коммуникативно-прагматических и структурных условий употребления местоимения первого лица приводят И. Фужерон и Ж. Брейар. Главные среди этих условий: наличие/отсутствие дополнения, наличие отношений противопоставления, в том числе и на сверхфразовом уровне [Фужерон, 2001].

Собранный материал показывает, что в обоих языках в диалогическом контексте субъектные местоимения появляются примерно в 1,5 раза чаще, чем в нарративном, что в целом предсказуемо, поскольку диалогический режим более благоприятен для выражения личного мнения говорящего, его непосредственного отношения к предмету сообщения. Так, общим для обоих языков является наличие местоимений в контекстах имплицитного и эксплицитного противопоставления. Ср.:

«*Se l'ha buttata vuol dire che si è pentito, che non gli piace, che non la riconosce come sua.*» «*Si vede che tu (Ø) non lo conosci...*» (D. Buzzati).

«*А раз выбросил, значит, ... стихи ему не нравятся и он не желает признавать их своими.*» «*Сразу видно, что ты (*Ø) не знаешь этого человека...*».

Последней репликой говорящий вводит развернутое опровержение мнения собеседника, предлагая затем собственную оценку предмета речи. В следующих примерах противопоставление эксплицитно, оно кодируется в русском тексте союзом *a*, в итальянском – противительным союзом *ma* и наречием *invece*. Ср.:

«*Tu riesci a capire tutto?*» «*Sì*», *ho detto io. [...] Io invece in certi momenti non capisco un cavolo di niente.* (A. De Carlo) – Ты все понимаешь? – Все, отвечаю. [...] – А я иной раз ни черта не понимаю...

Voi non lo potete capire. Ma io l'ho sentita leggere quella lettera. Io so che è così. (A. Baricco) Вам этого не понять. А я слышала,

как она читает свое письмо. И Ø знаю, что это так.

Характерно, что в последнем примере третья клауза в итальянском варианте открывается выделенным местоимением, тогда как в русском тексте присутствует сочинительный союз *и*. Такая замена местоимения союзом – распространенное явление в русской части собранного корпуса, характерное не только для дейктических, но и для анафорических контекстов.

Следующий пример также иллюстрирует разницу двух языков при употреблении дейктических местоимений в именительном падеже, противопоставленных по признаку лица:

– *Кто он, откуда он, – мы не знаем Ø. Дело твое, я не советую.* (В. Шкловский) «*Chi sia, da dove viene Ø non lo sappiamo. E' affar tuo, io non te lo consiglio.*».

Данный текст построен на оппозиции я-мы/ты, которая является частным случаем отношения Я/Другой. Противопоставление своего мира чужому создает условия для неизменного присутствия в тексте местоимений-подлежащих. В русском варианте заполнены все позиции именительного падежа как дейктических (*мы*, *я*), так и анафорического (*он*) местоимения. В итальянском переводе присутствует лишь местоимение 1 л. ед. ч. (*io*), кодируя противопоставление второму лицу, выраженному притяжательным местоимением (*affar tuo*). В то же время в итальянском тексте заполнены позиции винительного и дательного падежей.

В следующих примерах облигатность русских местоимений связана, прежде всего, с наличием выделительных тематизирующих частиц *же/ведь*, а также, во втором и третьем примерах, с прошедшим временем глагола, при котором противопоставление по признаку лица в глагольной флексии нейтрализуется. В итальянском тексте субъектное местоимение 1-го и 2-го лица при глаголах говорения чаще всего опускается. Ср.:

– *А как книга называется?* – *Неизвестно. Я ж говорю, она еще не вышла* (В. Пелевин). – *Е qual è il titolo del libro? (E il libro come si chiama?)* - *Non si sa. Ø Te l'ho detto, non è ancora uscito.*

– *Si. Ma lei chi sarebbe?* – *Ø Gliel'ho detto, sarei Luca (Lodoli).* – *Да, а вы все-таки кто?* – *Я же сказал, меня зовут Лука.*

«*Ma Ø gliel'ho già detto: il pittore Tagliaferri è morto*» (D'Agata). – Но я ведь уже объяснил: художник Тальяферри умер.

Появление субъектных местоимений в итальянском тексте всегда свидетельствует об особой прагматической нагруженности высказывания, что может, в частности, формально сопровождаться синтаксическим обособлением, рематическим выделением местоимения: «*Qualche volta leggo dei libri, io*» (D'Agata). – Иногда – подчеркиваю, иногда – читаю книги.

Русский переводчик прибегает к металингвистическому комментарию, описанию речевого действия (*подчеркиваю*), поскольку итальянское дейктическое местоимение первого лица ед. ч. в постпозиции указывает именно на коммуникативное выделение. Характерно, что в русском варианте коммуникативно выделяется наречие, местоимение же остается в безударной позиции. Это позволяет предположить, что коммуникативные функции итальянских местоимений в русском тексте часто выполняются различными наречными выражениями. Ср. в этой связи любопытное распределение кванторов неопределенности в двух языках в следующих примерах: *Qualcuno ci chiama i giovani medici arrabbiati* (D'Agata). *Иногда нас называют «сердитыми молодыми врачами».*

Мне иногда говорят про нее [мою книгу], что это патриотическое сочинение (Зализняк). C'è chi mi dice che è un'opera patriottica.

Таким образом, итальянский язык предпочитает кванторное местоимение, тогда как русский отдает предпочтение кванторным наречиям.

Тенденция неупотребления дейктических местоимений в позиции подлежащего в итальянском тексте прослеживается и в примерах с местоимениями второго лица. Ср.:

«– *Ты* чего такой зеленый, влюбился, что ли? ... – *Ты* меня слышишь вообще?!» (Гришковой) «*Come mai Ø sei così rimbecillito, ma ti sei innamorato?*». «*Ehi, ma Ø mi senti?!*»

«– Этого не должно быть в природе! *Вы* слышите? – [Он кричал не нам ... а кому-то незримому ...] (Трифонов) «*Non può esistere una cosa simile! Ø Mi sentite?*» [Non gridava rivolto a noi ... ma a qualcun altro invisibile ...].

О тысячелетний исполин, *Ø* слышишь? (Тургенев) *О gigante millenario, Ø mi senti?*

При обращении в русском тексте субъектная позиция обязательно замещается только при наличии объектного местоимения (*ты меня слышишь/??* *меня слышишь*, но: *ты слышишь?/ слышишь?*), в итальянском же тексте в обязательном порядке присутствует объектное местоимение, тогда как субъектное, как правило, отсутствует. Представляется неслучайным, что в итальянских примерах говорящий эксплицирует свое присутствие, хотя бы в роли Объекта. Фокусирование на первом лице, своеобразная «я» центричность характерна именно для итальянского текста. Часто в этой связи итальянские переводчики «переключают» точку зрения со второго лица на первое, даже когда в тексте для этого нет никаких формальных причин, т.е. язык-цель вполне допускает «буквальный» перевод. Ср.: [... - *Пойдем скорее. – Да куда же?*] – *Дорогой узнаешь.* (Лермонтов).

Из двенадцати рассмотренных переводов только в пяти была сохранена оригинальная конструкция с нулевым подлежащим 2 л. ед. ч. Ср.:

[– *Andiamo, presto! Ma dove?*] – *Lo saprai strada facendo.* (Cometti) (Garzonio-Gori) [...] – *Lo saprai per (la) strada.* (Bruzzone) (Archipov) (Pera).

В семи же случаях референция переключена на первое лицо. Ср.:

[– *Andiamo, presto! Ma dove?*] – *Te lo diremo camminando/ per (la) strada* (Donnini) (De Dominicis Jorio) (Nadai) (Terzi Pizzorno).

– *Te lo diremo strada facendo* (Avirovič) (Mastrocicco).

– *Ti spieghiamo per strada* (Nori).

В этом можно видеть проявление существующей в итальянском тексте тенденции к гомогенному с точки зрения референции оформлению соседних клауз, к своеобразному сохранению фокуса эмпатии, когда совместное первое лицо («мы») побудительно-наклонения в реплике 1 приглашает к совместному действию говорящего и адресата и индуцирует предикат в реплике 2:

(noi) andiamo – (noi) diremo/spieghiamo.

Отметим, что выбор лица при определенном типе речевого акта в значительной степени конвенционален. Русскому вежливому обращению «*Я Вас слушаю*» в итальянском соответствует побудительное «*Mi dica!*» (Букв. *Говорите мне!*)

Среди факторов, оказывающих влияние на обязательность/факультативность местоимения в русском тексте, следует выделить присутствие некоторых модальных слов, например, вопросительных частиц. Ср.: *Почему в лицо не смотришь, когда подаешь? Разве ты что-нибудь украл?* (Булгаков).

Представляется, что обязательное употребление местоимения вызвано наличием частицы *разве*. Ср.: *(Ты) почему не работаешь? (Ты) Устал? – Разве ты (*Ø) устал?* При этом в итальянских переводах наличие модального наречия *forse* не влияет на облигаторность субъектного местоимения. Ср.:

Perché non Ø guardi in faccia (negli occhi) quando servi? Ø Hai forse rubato qualcosa (qualche cosa)? (Dridso) (Prina) (Crepax) (Demaria).

Perché non mi guardi in faccia quando servi? Ø Hai (forse) rubato qualcosa? (Zonghetti) (Arcella) (Olsoufieva).

Perché non mi guardi in faccia quando mi servi? Ø Hai forse rubato qualcosa? (Monticelli).

Во всех восьми итальянских переводах местоимение в позиции подлежащего отсутствует, в то же время в четырех переводах (в одном дважды) появляется объектное действительное местоимение первого лица. Отметим, что и в косвенном вопросе в русском тексте субъектное местоимение чаще появляется в придаточной части: *Non so perché Ø faccio tutto questo per lei ...* (Tabucchi) *Не знаю, почему я все это делаю для вас.*

В ситуации, когда объект находится в поле зрения участников коммуникации и устанавливается непосредственная связь между языковым выражением и внеязыковым объектом, действительные могут употребляться и местоимения третьего лица. Ср.:

«... *Tieni, prendi questi*», ed estrasse ... *tre o quattro opuscoletti con la copertina celeste ... «Leggili con cura e dopo ne parliamo. [...] Leggili e ridammeli.* (Cerami) [...] – *Возьми пока вот это, – Спацциани ... вынул несколько голубоватых, брошюр ... – Прочти Ø внимательно, а потом поговорим [...] Прочти Ø и верни Ø мне.*

[Инна сняла с кронштейна костюм ...] – Идите померьте Ø ! – распорядилась она. (Токарева) *[Tolse dal sostegno il vestito ...] «Vada a provarlo!» gli ordinò.*

Как известно, местоимения 3 л. диахро-

нически тесно связаны с указательными детерминативами, от которых они происходят во многих языках мира. При этом характерно, что в русском языке выбираются жесткие десигнаторы-демонстративы (местоимения и наречия), тогда как в итальянском анафорическое местоимения. Ср.:

[Епиходов (поднимает букет).] Вот, садовник прислал Ø, говорит в столовой поставить Ø. (Чехов) *[Raccoglie il mazzo] Lo manda il giardiniere. Dice di metterlo nella sala da pranzo.* (Janovic Strada) (Piretto)

[Raccoglie i fiori] (Questi) Li manda il giardiniere, dice di metterli in sala da pranzo. (Guerrieri) (Lunari)

[Allora sciolse una certa polverina bianca in un mezzo bicchiere d'acqua, e porgendolo al burattino, gli disse amorosamente:] – Bevila, e in pochi giorni sarai guarito. (Collodi) *[Она высыпала белый порошок в стакан воды, подала Деревянному Человечку и нежно сказала:] – Выпей это, и через несколько дней ты будешь здоров.*

То обстоятельство, что в итальянском тексте одни и те же языковые элементы могут употребляться и действительные, и анафорически, позволяет предположить, что и в случае действительной отсылки связь между референтом и актуализированным в речи языковым знаком осуществляется не непосредственно, а с помощью отсылки к имплицитному языковому выражению. Морфологические признаки этого языкового выражения получают отражение в поверхностной структуре высказывания. Так, в первом из приведенных примеров указательной частице *vot* в русском тексте соответствуют в двух случаях местоимение *lo* (*ego*), отсылающее к номинации *букет*, а в двух других случаях – местоимение *li* (*ux*), отсылающее к номинации *цветы*. Во втором примере местоимение *la* может относиться к присутствующей в тексте номинации *una polverina bianca* (*белый порошок*) или подразумеваемой *una medicina* (*лекарство*), но не к предшествующему выражению *un bicchiere d'acqua* (*стакан воды*). В русском же переводе указательное местоимение *это* получает однозначную интерпретацию лишь в рамках речевого акта. Это же можно сказать и о предыдущих двух примерах, причем в итальянском тексте местоименные формы указывают на род и число замещенных имен, тогда как

в русском эта информация отсутствует. Отметим, что в последнем итальянском примере также возможен эллипсис объектного местоимения, но лишь в случае незамещения позиции субъекта, что лишний раз указывает на интересную корреляцию позиций субъекта и прямого объекта. Ср.: *Si può provare? – Можно померить?* (при указании на конкретную вещь). В случае же употребления личной формы глагола местоимение в итальянском тексте, по свидетельству информантов, опущено быть не может.

Ср.: *Lo posso provare? Но: ?? Posso provare?*

По-видимому, употребление в итальянском языке в качестве «вежливого обращения» местоимения третьего лица *Lei* (она) также первоначально предполагало отсутствие непосредственной отсылки к собеседнику, как знак дистанции и уважения. В современном языке такое употребление полностью конвенционально и *Lei* имеет все признаки дейктического местоимения [Grande Grammatica, vol. 3, 1995, p. 350]. В то же время в случае присутствия в «универсуме дискурса» референта женского рода единственного числа омонимия дейктического и анафорического местоимений может вызывать референциальный конфликт, который устраняется исключительно в контексте. Ср.:

Senta ... lasci perdere Marta per ora, finché lei è a casa mia non comunichi con nessuno... (Tabucchi) Послушайте ... забудьте на время про Марту, пока вы (букв. она) у меня, вы не будете общаться ни с кем...

Любопытно, что при переводе на итальянский переводчик в подобных случаях может прибегать к определенной дескрипции или имени собственному, чтобы избежать двусмысленности. Ср. перевод А.М. Ripellino следующего примера, где местоимение *lei* может быть интерпретировано как кореферентное имени *Sonia*:

... Соня злится на отца, злится на меня...; вы ненавидите мужа ... (Чехов) Sonia è piena di rancore verso suo padre, piena di rancore verso di me...; lei, zio Vania, non può vedere mio marito... (Ripellino).

Sonia non può vedere suo padre, non può vedere me...; lei odia mio marito... (Lunari) Sonja è incollerita col padre incollerita con me... voi odiate mio marito... (Guerrieri) Sonia ce l'ha col padre, ce l'ha con me... Lei detesta mio marito...

(Piretto).

В переводах (Lunari) и (Piretto) сохраняется возможность референциального конфликта, тогда как в переводе (Guerrieri) выбирается диалектно маркированное местоимение *voi*, меняющее стилистическую окраску итальянского варианта. В связи с этим примером приведем наблюдение А.Д. Шмелева [Шмелев, 2002, с. 37-38], указавшего на некоторые сложности в определении релевантного референтного пространства при конкретном употреблении именной группы в русском тексте, связанные с тем, что при естественной интерпретации высказывания «*Вы ненавидите мужа*» в изолированном употреблении, под *мужем* понимается муж адресата сообщения. В пьесе же «Дядя Ваня» Елена Сергеевна, говоря это Войничкому, имеет в виду собственного мужа. Заметим, что итальянский текст устраняет подобную неоднозначность в силу обязательного употребления дейктических притяжательных детерминативов при терминах родства 1-го и 2-го лица. Ср. продолжение данного примера и его итальянский перевод: *Вы ненавидите мужа и открыто презираете свою мать... Lei, zio Vania, non può vedere mio marito e mostra chiaramente di disprezzare sua madre ... (Ripellino) Lei odia mio marito, disprezza apertamente sua madre... (Lunari)... Voi odiate mio marito e disprezzate apertamente vostra madre (Guerrieri) Lei detesta mio marito e apertamente disprezza la propria madre (Piretto).*

Как мы видим, в этом примере омонимия в третьем лице итальянских притяжательных и возвратных местоимений (*sua* → *своя* = *его*) создает двусмысленность в интерпретации выражения *sua madre* (мать адресата ↔ мать мужа) в переводах (Ripellino) и (Lunari). В варианте (Guerrieri) по-прежнему выбирается местоимение 2 л. мн. ч., менее характерное при вежливом обращении к одному лицу. Перевод (Piretto) содержит прилагательное ‘*proprio*’ – ‘*собственный*’, однозначно указывающее на кореферентность посессора и подлежащего. В оригинальном русском тексте такая референциальная двусмысленность отсутствует, поскольку притяжательные и возвратные местоимения здесь имеют разные формы.

Краткий обзор примеров с дейктическими местоимениями в двух языках показывает, что

высказывание с эксплицитным дейктическим местоимением в роли подлежащего выступает в итальянском тексте в роли маркированного члена оппозиции. В русском диалогическом тексте субъектное дейктическое местоимение употребляется значительно чаще, оно является важным средством построения и поддержания дискурсивных связей и во многом способствует обеспечению как смысловой, так и структурной целостности текста. Связность итальянского текста в значительно большей степени обеспечивается механизмом анафорической отсылки.

Библиографический список

1. *Гаспаров, Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б.М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
2. *Говорухо, Р.А.* Правила переименования одного и того же референта в русском и итальянском языках [Текст] / Р.А. Говорухо // Проблемы италянистики. – Вып. 1. Языкознание. – М.: РГГУ, 2005. – С. 7-22.
3. *Пешковский, А.М.* Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А.М. Пешковский. – М.: Просвещение, 1956. – 510 с.
4. *Плунгян, В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира [Текст] / В.А. Плунгян. – М.: РГГУ, 2011. – 372 с.
5. *Тестелец, Я.Г.* Введение в общий синтаксис [Текст] / Я.Г. Тестелец. – М.: РГГУ, 2001. – 800 с.
6. *Фужерон, И.* Когда я нужно? [Текст] / И. Фужерон, Ж. Брейар // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2001. – № 4. – С. 117-128.
7. *Шмелев, А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность [Текст] / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 492 с.
8. *Andorno, C.* Linguistica testuale [Text] / C. Andorno. – Roma: Carocci, 2003. – 194 p.
9. *Calabrese, A.* Sui pronomi atoni e tonici dell'italiano [Text] / A. Calabrese // Rivista di grammatica generativa. – Bologna, 1980. – 5. – P. 65-116.
10. *Fox, B.* Discourse Structure and Anaphora. Written and Conversational English [Text] / B. Fox. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 184 p.
11. *Govoruchio, R.* La ripresa anaforica in russo e in italiano: sintassi e pragmatica [Text] / R. Govoruchio // L'analisi linguistica e letteraria. – Milano, 2003. – 2 (XI). – P. 614-644.
12. *Grande grammatica italiana di consultazione* [Text] / A cura di L. Renzi. – Vol. I. – Bologna: Il Mulino, 1988. – 763 p.
13. *Grande grammatica italiana di consultazione* [Text] / a cura di L. Renzi, G. Salvi, A. Cardinaletti. – Vol. III. – Bologna: il Mulino, 1995. – 640 p.
14. *Karcevski, S.* Système du verbe russe [Text] / S. Karcevski // Essai de linguistique synchronique. – Prague, 1927. – P. 132-133.
15. *Nilsson, B.* Personal pronouns in Russian and Polish: A study of their communicative function and placement in the sentence [Text] / B. Nilsson // Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic studies. – Stockholm, 1982. – 370 p.
16. *Salvi, G.* Nuova grammatica italiana Bologna [Text] / G. Salvi, L. Vanelli. – Bologna: il Mulino, 2004. – 365 p.

УДК 81'373.49
ББК 81.2

Н.Е. Реброва

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭВФЕМИЗМОВ В АСПЕКТЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ DUDEN DAS GROSSE WÖRTERBUCH DER DEUTSCHEN GEGENWARTSSPRACHE)

В статье рассматривается проблема отбора эвфемистических единиц при их лексикографической фиксации в современных толковых словарях. Проводится количественный и качественный анализ функционально-семантических групп эвфемизмов, представленных в анализируемом словаре, на основе чего делается вывод о лексикографической концепции словаря в отношении эвфемизмов.

Ключевые слова: эвфемизм; функционально-семантические группы эвфемизмов; субституционный подход; манипулятивные эвфемизмы; этикетные эвфемизмы; лексикографическая концепция

N.E. Rebrova

THE FUNCTIONAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF EUPHEMISMS IN LEXICOGRAPHY (BASED ON THE DUDEN DICTIONARY OF GERMAN LANGUAGE)

The paper deals with the problem of euphemism selection in modern lexicography. The author carries out the qualitative and quantitative analysis of functional and semantic groups of euphemisms